

ИГОРЬ СКАКУН

ТЕ, КОГО НЕ УДАЛОСЬ ПОГАСИТЬ

В творческом диалоге с нейросетью МИР

Игорь Скакун

Те,кого не удалось погасить.

«Автор»

2026

Скакун И. В.

Те,кого не удалось погасить. / И. В. Скакун — «Автор», 2026

В детстве я видел синие нити между людьми. Потом меня научили не замечать их, не задавать лишних вопросов и радоваться тихо. Я вырос, стал механиком и почти поверил, что необычного мальчика больше нет. Пока однажды из-под двери закрытого центра не выплыла красная детская варежка. За дверью сидела девочка, которую собирались сделать такой же удобной. Чтобы помочь ей, мне придётся вернуться туда, где когда-то погасили мой голос, узнать правду о своей семье и встретить человека, обещающего всему городу покой. Но смогу ли я, получив власть над чужой волей, отказаться от соблазна решать за всех?

© Скакун И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Пролог. Чашка с трещиной	6
Глава 1. Удобный мальчик	7
Глава 2. Красная варежка	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Игорь Скакун

Те,кого не удалось погасить.

Аннотация

В детстве я видел синие нити между людьми. Потом меня научили не замечать их, не задавать лишних вопросов и радоваться тихо. Я вырос, стал механиком и почти поверил, что необычного мальчика больше нет. Пока однажды из-под двери закрытого центра не выплыла красная детская варежка. За дверью сидела девочка, которую собирались сделать такой же удобной. Чтобы помочь ей, мне придётся вернуться туда, где когда-то погасили мой голос, узнать правду о своей семье и встретить человека, обещающего всему городу покой. Но смогу ли я, получив власть над чужой волей, отказаться от соблазна решать за всех?

Игорь Скакун

В творческом диалоге с нейросетью МИР

Фантастическая повесть. 2026

Пролог. Чашка с трещиной

Первую нить я увидел в семь лет.

Она тянулась от маминой руки к телефону в прихожей — тонкая, синяя, живая. Мама чистила картошку, телефон молчал. За окном шёл снег, и кухня казалась единственным тёплым местом во всём городе.

— Не бери трубку, — сказал я.

Мама подняла голову.

— Почему, Олег?

Я не знал, как объяснить. Нить дрожала, будто по ней уже бежало что-то тяжёлое. Я попробовал отодвинуть её ладонью, но пальцы прошли сквозь свет.

Телефон зазвонил.

Мама вытерла руки и вышла. Я слышал её короткие ответы, потом тишину. Когда она вернулась, картофельный нож лежал на столе, а из ладони капала кровь: она порезалась и не заметила.

Отец не вернулся из ночной смены.

Впоследствии взрослые много раз спрашивали, не слышал ли я разговор раньше, не видел ли отцовского начальника у подъезда. Я отвечал про нить. После этого вопросы изменились.

Но сильнее всего я запомнил другое. Мать сидела на полу у кухонного шкафа. Я принёс ей воду в синей чашке с трещиной и обнял. Между нами поднялся мягкий свет. Он не отменил звонка, не вернул отца, не остановил слёз. Мама просто смогла сделать глоток.

Я рассказываю об этом сейчас, потому что слишком долго начинал свою жизнь с другого места — с того дня, когда перестал видеть. Так было удобнее. Обыкновенному человеку не нужно объяснять, почему он промолчал, почувствовав беду. Ему достаточно сказать: откуда мне было знать.

Тридцать один год я учился произносить эти слова.

Потом в воде возле моих ботинок появилась красная детская варежка.

Глава 1. Удобный мальчик

В третьем классе я нарисовал над школьным двором огромную рыболовную сеть. В каждом узле сидело по человеку, а под рисунком написал: «Они держат друг друга и думают, что это небо».

Учительница оставила меня после уроков.

— Ты на кого сердишься?

— Ни на кого.

— Тогда зачем рисуешь страшное?

Я посмотрел на лист. Мне нравилось, как получилось небо между ячейками. Там было много места. Я хотел объяснить, что сеть иногда помогает: подхватывает тех, кто падает. Страшной она становится, когда не отпускает.

Но учительница уже звонила матери.

После смерти отца мама работала в две смены. Она приходила на школьные беседы в пальто, пахнувшем морозом и хлебным цехом, и всё время извинялась. На словах «нам нужно принять меры» вокруг её плеч затягивалась серая петля. Мне хотелось её снять. Я вставал, перебивал взрослых, говорил, что мама ни в чём не виновата.

— Видите? — произносила учительница.

Так я обнаружил первое правило: если защищаешь кого-то слишком громко, это становится доводом против тебя.

В городском Доме развития мне выдали набор цветных карточек. Женщина с мягким голосом просила угадать, какая карточка лежит рубашкой вверх. Я угадал подряд девять. Женщина перестала улыбаться, вышла, вернулась с мужчиной в сером свитере.

Мужчина не стал спрашивать про карточки.

— Ты видишь, когда люди врут?

— Не всегда. Иногда они сами не знают.

— А сейчас?

От его запястья уходила прозрачная леска к круглому значку на двери. Я посмотрел туда.
— Вы боитесь, что я скажу правильно.

На следующем занятии карточки убрали. Включили ровный звук и попросили смотреть на белую стену. При каждом неверном ответе на вопрос «Кто решает, как правильно?» звук становился громче. Верным считалось слово «взрослые».

Эта комната не была больницей. Там не лечили болезни и не учили справляться с трудностями. Позже я узнал, что её оборудование сделали специально для другой задачи. Тогда я знал лишь, что после занятий долго болят зубы и хочется спать.

Мать заметила, что я перестал петь. Раньше пел, собирая конструктор, моя кружка, одеваясь. Теперь сидел молча.

— Тебя там обижают?

Я видел её усталость, видел конверт с долгом за квартиру под сахарницей. И покачал головой.

Слова «всё хорошо» дались легко. Мама впервые за несколько недель улыбнулась. Я почувствовал облегчение и тут же испугался: ложь оказалась способом позаботиться о ней.

В двенадцать я понял, как ошибаться на проверках. Называл красную карточку зелёной, отворачивался от светящихся следов, смеялся вместе с классом, когда смеялись надо мной. Мужчина в сером свитере записал: «Устойчивая положительная динамика».

В пятнадцать я сломал камеру в актовом зале. Не из мести. Под потолком висела медная пластина, соединённая с камерой тонким проводом. Когда директор говорил, что любой выбор уже сделан за нас жизнью, пластина мерцала, а ученики переставали шевелиться. Я кинул в неё металлический шарик от подшипника.

На разборе не смог объяснить, почему после удара весь зал одновременно вдохнул.

Мать забрала меня из школы. Я окончил другую, поступил в техническое училище и обнаружил утешительное свойство железа: сломанный подшипник не убеждал, что проблема в моём характере.

В восемнадцать я впервые за долгое время увидел свободную синюю нить. Она тянулась от моей груди к дороге за городом. Я мог уехать. Мог поступить в другом месте, позвать мать с собой, попробовать жить так, как ещё не умел.

У матери заболело сердце. Я устроился на ремонтный участок.

С годами почти забыл свет. Осталась привычка замечать неисправности раньше приборов. Её ценили, пока я не спорил с начальством. Спорить я разучился.

В старом школьном альбоме под моей фотографией была подпись: «Очень удобный мальчик».

Когда мать умерла, я нашёл альбом и вырвал страницу. Затем долго сидел над мусорным ведром, разглаживая бумагу. На обороте была фотография её молодой — у школьного окна, с букетом жёлтых листьев.

Глава 2. Красная варежка

Вызов пришёл в четверть третьего ночи. На нижнем уровне Центра согласования поднялась вода. Дежурный обещал двойную оплату и потребовал взять допуск к насосному оборудованию.

Я знал это здание. Раньше оно называлось Домом развития.

Теперь фасад облицевали светлым камнем. На экране у входа сменялись слова: «Спокойствие. Участие. Общее будущее». За стеклом сидел охранник с детским пластырем на пальце.

— Что с рукой? — машинально спросил я.

— Дочь обожглась. Себе наклеила и мне. Чтоб не боялась.

Он смутился, спрятал палец и вернул документ.

Служебный лифт спустил меня на два этажа ниже, чем показывал план. В коридоре стояли новые двери, а трубы над ними остались прежними: сварные швы я узнал сразу. Отец когда-то работал на строительстве этой насосной.

Вода доходила до щиколоток. Я отключил повреждённый агрегат, проверил резерв и взялся за фланец. Из-под дальней двери выскользнула красная варежка.

Следом появилась синяя нить.

Она протянулась над водой к моей руке, и пальцы вдруг вспомнили то, что голова забыла. Я присел. В стальной двери было маленькое смотровое окно, закрытое изнутри.

— Кто там?

— Ника. Вы умеете чинить?

— Насосы умею.

— Тогда почините, чтобы меня слышали.

В дальнем конце коридора щёлкнул замок. Подошла женщина в форменной куртке.

— С ребёнком всё в порядке. Завершайте работу.

— Здесь вода возле электрики. Ребёнка надо вывести.

— Этой частью занимаются специалисты.

Она говорила спокойно, но от её плеч к потолку поднимались тусклые тяжи. Я отвёл взгляд. Сердце стучало так, как когда-то в школьном кабинете.

Я заменил прокладку. Запустил резервный насос. Заполнил акт. Женщина всё время стояла рядом.

У лифта обнаружил, что держу варезку в кулаке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.